

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. КОСТРОВИЦКОЙ

УДК 792.8; 929

Г. Т. Комлева

МОЙ КУМИР

16 января исполнилось 110 лет со дня рождения Веры Сергеевны Костровицкой (1906–1979), признанного авторитета в русской школе классического танца. Более 30 лет она преподавала в Ленинградском хореографическом училище, помогала А. Я. Вагановой на педагогических курсах в Консерватории, написала несколько книг по методике классического танца — они широко известны и в нашей стране, и за рубежом. Ее консультациями охотно пользовались другие балетные школы и педагоги, в том числе зарубежные. Веру Сергеевну неоднократно приглашали в Московское хореографическое училище для проведения мастер-классов и чтения лекций по методике преподавания классического танца. По сути, она стала достойной преемницей Вагановой в нашей Школе, бессменно возглавляя всю методическую работу в течение нескольких десятилетий. Американец Д. Баркер изучил русский язык специально для того, чтобы перевести книги Костровицкой на английский язык.

Ленинградское хореографическое училище в эти послевоенные десятилетия еще сохраняло дух элитарного закрытого учебного заведения, во всех отношениях уникального. И присутствие Костровицкой эту высокую планку избранничества поддерживало.

Ее уроки и репетиции были незабываемы. И не только в профессиональном отношении. Они питали нас какой-то особой духовной энергетикой, обогащая на всю жизнь.

* * *

...В класс знаменитой балетной школы на улице Зодчего Росси вошла горделиво красивая женщина. Высокая, стройная, неброско, но элегантно одетая, она поздоровалась приветливо и чуть отчужденно. Вкрадчиво-властные интонации ее богатого тембра голоса обещали нечто значительное. То, что происходило далее, обещания превосходило. Вы присутствовали при чуде — утверждалось торжество красоты. Красоту, прежде всего, излучали линии ее тела и она сама, с чисто царственной расточительностью позволявшая наслаждаться этой по-петербургски изысканной, элегантно красотой. То была Вера Сергеевна Костровицкая. Только в конце ее жизни я узнала, что Вера Сергеевна — двоюродная сестра великого французского поэта Гийома Аполлинера, поляка по национальности (его настоящая фамилия — Костровицкий). Это родство в определенный период нельзя было обнаруживать. Но то, что перед вами аристократка духа самых, что ни на есть, голубых кровей, вы понимали сразу.

В. С. Костровицкая.
Фото из архива АРБ имени Вагановой
(МКИОХО).

Авторитет Костровицкой в школе был непререкаем — и не только потому, что она долгие годы с благословения Вагановой была старшим методистом. Она отличалась прежде всего независимостью характера, самостоятельностью суждений и широтой художественного кругозора. Вокруг нее словно бы существовала некая аура, вызывавшая почтение даже у людей, не симпатизировавших ей. А мы, занимавшиеся у Костровицкой последние три года и выпускавшиеся под ее руководством, первое время не могли запомнить задаваемые педагогом движения: красота ее показа завораживала, гипнотизировала нас. Вся она — с удлинёнными пропорциями, красивой лепкой ног с неправдоподобно большим подъемом — походила на сказочную птицу, хранительницу неких высших тайн, лишь ненадолго залетевшую сюда из царства красоты, чтобы тут же возвратиться в родные края.

Мир музыки, живописи, поэзии и литературы для Костровицкой был родным. Ее музыкальность была абсолютной. Именно это, я думаю, сближало ее с Георгием Баланчивадзе (Джорджем Баланчиним). Объединяло их также и участие в петроградском «Молодом балете», родившемся в начале 1920-х гг. как союз энтузиастов, не удовлетворенных театральной рутинной. Вера Сергеевна была требовательна в выборе музыки для сопровождения урока, считая, что это, помимо прочего, воспитывает наш музыкальный вкус. Шопен, Лист, Григ были в числе самых любимых. Зная, что я довольно прилично владею фортепиано, она просила сыграть пьесу, которую собиралась ставить. Наши ощущения музыки нередко расходились. Она рассказывала о своем восприятии, но никогда не навязывала его мне. Вероятно, чужую самостоятельность она умела ценить не меньше, чем свою.

Ее интерес к постановочной работе реализовался и в сочиняемых для учениц номерах, и в тех композициях, которые предлагались нам на уроке. Выразительности поющего тела в поэтичных адажио Вера Сергеевна уделяла особое внимание. Сказывалось, по-видимому, влияние ее педагога О. И. Преображенской, чуткой к музыке и склонной к импровизации. Другим кумиром Костровицкой была О. А. Спесивцева — та воплощала хрупкую ранимость, изначальную обреченность красоты в этом мире. Трагическое восприятие жизни было Костровицкой близко и перекликалось в чем-то с ее собственной судьбой: открытая форма туберкулеза сделала невозможной сценическую карьеру, сталинские лагеря упрятывали ее избранных... Выжить, в том числе в страшные блокадные годы, помогали богатейший внутренний мир, трепетная привязанность и дружба с матерью, и собственные тайные увлечения.

Одним из них была живопись. Об этом я узнала случайно и довольно поздно. Первый муж Веры Сергеевны В. В. Дмитриев — крупнейший театральный художник. Во второй половине жизни судьба связала ее с интереснейшим живописцем Соломоном Моисеевичем Гершовым, учеником М. Шагала и П. Н. Филонова, другом Д. Д. Шостаковича. Энергичную, смелую манеру письма и колористические пристрастия Гершова нельзя было ни с чем спутать. В доме Костровицкой я увидела и другие живописные работы, явно отличавшиеся по манере от гершовских. Оказалось, это натюрморты Веры Сергеевны. Они были романтичны, тонки, овеяны поэзией. Костровицкой удалось сохранить собственную манеру, несмотря на присутствие рядом совершенно другой и необычайно энергичной живописи. Соломон Моисеевич посвятил жене не один цикл своих работ, стремясь воплотить в портретах богатейшую гамму душевных качеств Веры Сергеевны. Краски драматические, а то и трагедийные, преобладали. Нашим любимым времяпрепровождением в позднейшие годы было устраивать просмотр сделанных Гершовым работ. Оценки и комментарии Веры Сергеевны отличались точностью, образностью, проникновением в глубинный смысл, а порой и озорством. Уважение Соломона Моисеевича к вкусу супруги, почитаемому им безупречным, сказывалось в том, что ей поручалось организовывать натюрморты и для него — не только для себя самой.

Достигнутый профессионализм в живописи подтвердил случай. Киевский оперный театр оказался на грани срыва премьеры «Лебединого озера»: художник,

Концертный номер «Птицы». Музыка Э. Грига, постановка В. С. Костровицкой.
В центре — ученица 7/9 класса Г. Комлева.
Фото из архива АРБ имени Вагановой (МКИОХО).

которому были заказаны декорации, подвел. Друзья просили выручить театр, и Костровицкую с трудом уговорили взяться за это. Когда ее сопротивление было сломлено, встречным условием стало не объявлять авторства. Эскизы были срочно написаны и отправлены с оказией. Так появился спектакль, оформленный анонимным художником — танцовщицей.

Мы, ее ученики, чувствовали, что за Верой Сергеевной тянулся шлейф напряженной духовной жизни, бросавшей отсветы на наши ежедневные училищные общения. Она могла ненароком спросить, была ли я на последнем концерте в Филармонии, и так несколькими словами охарактеризовать дирижерское мастерство Е. А. Мравинского, что я понимала масштаб потерянного. В следующий раз я мчалась, несмотря на физическую усталость, на его концерт и испытывала благодарность и к мастеру, и к своему педагогу. Также мимоходом она могла поинтересоваться, что я читаю, и поделиться собственными впечатлениями от прочитанного. А потом принести одну из своих любимых книг — это мог оказаться и Д. С. Мережковский, и не включенные в школьную программу поэты (из не одобренного, а то и запрещенного чтения).

Нас всегда разделяла дистанция. И только позднее я поняла, что была небезразлична ей, и оценила искренность и глубину привязанности. Но, может быть, самую трудную минуту моей жизни Вера Сергеевна почувствовала, и помогла преодолеть безысходность. Это было в выпускном классе. Мы готовили фрагмент из «Лауренсии». У меня тогда был очень большой, эффектный шаг. Но хотелось достичь еще большей остроты в прыжке, и я, вопреки всем педагогическим наставлениям, растягивалась, фиксируя ногу на реально существовавшей тогда печке. До тех пор, пока не порвала себе связки — сухожилия, прикреплявшие ногу к тазобедренному суставу. Врачи рекомендовали мне распрощаться с профессией. Пришлось пропустить — это в выпускном-то классе! — четыре месяца. А потом — вернуться и к «Лауренсии», и к па-де-де из «Дон Кихота». Ноги не слушались, боль была адской. Я пребывала в оцепенении и чувствовала, что силы мои иссякают. И вот после очередной мучительной репетиции, когда я была готова последовать рекомендации врачей и от балета отказаться, я вдруг обнаружила в своих вещах в раздевалке записку: «Эллочка, дорогая, потерпи — все образуется. Любящая тебя Вера Сергеевна». Эти слова решили мою судьбу.

В полной мере оценить величие сделанного Костровицкой в методике я смогла много позднее, когда взялась готовить ее труды к переизданию. Поразительная прозрачность и точность мысли, уверенность, что классический танец — самая совершенная из всех существующих пластических систем, мудрая и бесконечно интересная для постижения заключенных в ней и до конца не разгаданных пока тайн. Книги Костровицкой — лучший ей памятник. И — наша благодарная память о ней.

Сейчас, пожалуй, я могу сказать — Вера Сергеевна Костровицкая была одной из тех, кто помог мне стать Художником. Как хочется, чтобы и нынешние поколения танцовщиков приобщились к этому счастью.